

В.И.Пантин, В.В.Лапкин

СРЕДНИЙ КЛАСС В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ



Из опыта западных и не только западных стран хорошо известна важная роль среднего класса как субъекта политического развития, модернизации, перехода к демократическому политическому режиму. История США, стран Западной Европы, Японии, ряда других государств свидетельствует о том, что образование многочисленного, политически активного и влиятельного среднего класса – одно из необходимых условий возникновения стабильной и одновременно динамичной политической системы. Напротив, слабость или неразвитость среднего класса ведет к тому, что он оказывается не в состоянии выполнить свою интегрирующую и консолидирующую общество функцию. А это в современном мире грозит многочисленными социальными и политическими потрясениями, препятствующими росту экономической эффективности и политического единства государства.

Что касается России, то здесь само наличие среднего класса как социального образования и тем более как политического субъекта до определенного времени выглядело проблематичным, а то и отрицалось вовсе¹; некоторые исследователи до сих пор придерживаются этой точки зрения. Как представляется, такая ситуация связана прежде всего с тем, что к российскому среднему классу часто пытаются подойти с мерками и критериями, выработанными для описания современного среднего класса в странах Запада. Так, если за основной критерий принадлежности к нему взять уровень доходов или уровень жизни, характерный для представителей современного среднего класса в западных странах, то скорее всего обнаружится, что среднего класса в России либо вовсе нет, либо в него попадают те несколько процентов населения, которые в действительности относятся к высшему классу (высшая бюрократия, крупный бизнес) или криминальным структурам. Этим обстоятельством и обусловлено устойчивое восприятие российского среднего класса как некоей виртуальной реальности, феномена, который никак не может стать фактом повседневной жизни.

Между тем, если в должной мере учитывать специфику российского среднего класса в его современном состоянии, то вырисовывается совсем другая картина: в сегодняшней России он существует, но находится в подвижном, динамичном состоянии². Своеобразие среднего класса в сегодняшней России проявляется прежде всего в самих принципах его выделения. Как известно, основные критерии – уровень доходов и уровень жизни («овеществленный капитал»), а также

¹ См., напр.: Стариков Е. Угрожает ли нам появление «среднего класса»? // Знамя. 1990. № 10; Беленький В.Х. О среднем классе в России // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12; Рукавишников В.О. Социология переходного периода // Социс. 1994. № 8–9.

² Умов В.И. (Пантин). Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Полис. 1993. № 4.

уровень профессионализма, образования, квалификации («интеллектуальный капитал»). Для среднего класса развитых стран, особенно «нового среднего класса», ставшего массовым явлением после второй мировой войны, как правило, характерна корреляция между наличием овеществленного, материализованного капитала и капитала интеллектуального, поскольку последний может быть конвертирован в первый и обратно. В современной же России наличие интеллектуального капитала, в частности профессионализма, соответствует наличию овеществленного не столь часто (хотя иной раз предоставляет дополнительные возможности для его получения); правилом является невозможность или затрудненность конвертации интеллектуального капитала в овеществленный и формирование последнего из совершенно других источников. Отметим также, что в условиях посткоммунистической России значительную роль в приобретении высокого социального статуса играет «социальный капитал» – корпоративные, клановые, родственно-земляческие связи, которые зачастую опосредуют процесс конвертации интеллектуального капитала в овеществленный.

В связи с упомянутыми проблемами и «перекосами» в процессе формирования среднего класса в посткоммунистической России критериями его выделения в большей мере служат профессионализм, уровень образования и квалификации, тогда как роль уровня доходов, особенно в сравнении с западными странами, менее значима (разумеется, если последний слишком низок и находится за чертой бедности, говорить о принадлежности к среднему классу вообще не приходится). В то же время существуют и группы российского среднего класса, которые не обладают ни высоким уровнем образования, ни высокой профессиональной квалификацией (например, так называемые челноки), но их принадлежность к среднему классу обусловлена тем, что они являются мелкими и средними предпринимателями, собственниками.

Таким образом, для выделения среднего класса в современном российском обществе приходится использовать целый набор критериев, как объективных, так и субъективных. К числу последних относится идентификация себя со средним классом, выявляемая с помощью массовых опросов и позволяющая обнаружить нетривиальные взаимосвязи между объективным положением человека в обществе и его субъективными представлениями, ценностями, ориентациями. Заметим в этой связи, что большинство россиян, относящих себя к среднему классу, не располагают высокими доходами и крупной собственностью, но имеют сравнительно высокий уровень образования и квалификации, обладают некоторыми накоплениями в денежной и иных формах. Первостепенная важность этих критериев подтверждается и прямыми ответами работающих респондентов с высшим и средним специальным образованием на вопрос: «По каким признакам, на Ваш взгляд, было бы наиболее правильно в сегодняшней России причислять человека к “среднему классу”»? Наиболее часто называвшимися признаками оказались «высокая профессиональная

¹ Данные репрезентативного массового опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в ноябре 1995 г.; выборка – 8869 человек.

квалификация» (46% опрошенных), «наличие денежного капитала» (45%) и «высокий уровень и качество образования» (40%)¹.

Специфика среднего класса в современной России определяется, с одной стороны, его генетической связью со «средним классом» (или, точнее, средними слоями) советского общества, а с другой – сложными процессами трансформации (а подчас и деградации) социально-политической системы в посткоммунистической России на протяжении 1990-х годов.

Советский «средний класс»: эволюция или катастрофическая трансформация?

«Средний класс» в СССР (это словосочетание приходится брать в кавычки, поскольку в советский период процесс формирования полноценного и самостоятельного среднего класса так и не завершился) представлял собой своеобразный и по-своему даже уникальный феномен. Возникнув как массовое явление в результате крупных социальных и политических сдвигов, произошедших в 1960–1970-е годы (изменение политического режима, быстрая урбанизация, рост образовательного уровня, некоторое повышение уровня жизни), средние слои стали быстро перерастать те рамки «интеллигенции как прослойки», в которые их помещала официальная идеология. Состоявшие в основном из специалистов и служащих, по своей численности составлявшие около трети всех занятых, они представляли собой аналог «нового среднего класса» в странах Запада и начинали вслед за своими тамошними «коллегами» играть все большую роль в экономической, политической и культурной жизни общества.

Но было одно важное отличие советских средних слоев от западных, делавшее весьма проблематичным их естественное и эволюционное превращение в средний класс, – экономическая и политическая несамостоятельность, отсутствие независимой основы в виде интеллектуальной и овеществленной собственности. Советский «средний класс», как, впрочем, и почти все остальные слои общества, был полностью огосударствен, жестко зависим в своей деятельности от господствующего режима.

Конечно, если предположить, что процесс «разгосударствления» общества мог бы идти плавно и постепенно на протяжении нескольких десятилетий, то советский «средний класс» имел шансы в конце концов стать вполне нормальным современным средним классом без кавычек. И теоретически можно допустить, что в этом случае социальная и политическая система в России была бы более стабильной, сохраняющей большую преемственность с прежней системой, а полноценный субъект экономических и политических отношений в обществе возник бы эволюционно и органично. Тем не менее, оглядываясь назад, мы имеем все основания усомниться в реальности такой перспективы.

Она не осуществилась, помимо всего прочего, в силу раскола «среднего класса» на тех, кому стало тесно в прежних идеологических и политических рамках, кто стремился обрести хозяйственную и политическую самостоятельность, и тех, кого прежняя система в основном

устроивала. Политически активизировавшиеся представители среднего класса формировали ядро многочисленных неформальных политических организаций, возникших в конце 1980-х годов, первых политических партий и движений, появившихся в начале 1990-х годов, будь то «межрегиональная депутатская группа», «Демократическая Россия», «Демократическая партия России» или «Духовное наследие». Парадокс состоял, однако, в том, что политическая активность средних слоев при отсутствии самостоятельной экономической базы вела к углублению кризиса того самого государства, от которого эти слои во многом зависели.

То, что произошло с ними в эпоху перестройки и особенно «шоковой терапии», сильно напоминает катастрофу. «Традиционный» советский «средний класс», состоявший прежде всего из научных работников, инженеров, врачей и учителей, не только не сохранил и тем более не повысил свой социальный статус, а в большинстве своем практически обнищал, его доходы упали ниже прожиточного минимума, а статус значительно снизился⁴. Однако, если не упрощать ситуацию, придется признать, что эта катастрофическая трансформация была обусловлена не столько ошибочной или злонамеренной политикой властей, сколько несамостоятельностью советского «среднего класса», его неспособностью в изменившихся условиях стать полноправным экономическим и политическим субъектом. В результате на протяжении 1990-х годов происходили сложные и во многом мучительные процессы дифференциации прежнего «среднего класса», возрастания его неоднородности, образования на его базе новых социальных групп. В известном смысле наблюдалось движение не вперед, а вспять, средние слои в социально-экономическом и политическом отношении оказались в значительной мере дезинтегрированными, лишь частично способными стабилизировать социальную и политическую систему. Вследствие этого в России в очередной раз за последние триста лет началось формирование среднего класса во многом не за счет эволюционного изменения прежних средних слоев, а за счет разложения старых и образования новых – способ весьма расточительный и, как показывает исторический опыт, не слишком продуктивный. Все это, безусловно, сказалось на ходе реформ и, шире, на ходе российской модернизации, которая осуществлялась и осуществляется без своего полноценного субъекта, роль которого должен был бы играть многочисленный и самостоятельный средний класс.

⁴ См., напр.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 60–88.

Трудности формирования среднего класса в посткоммунистической России

Несмотря на все пертурбации, значительную часть нынешнего среднего класса составляют те же группы государственных служащих и специалистов, которые работали на государственных предприятиях в советский период. Так, согласно данным уже упоминавшегося опроса, проведенного в конце 1995 г. Фондом «Общественное мнение» среди людей с высшим и средним специальным образованием, свыше половины из них (58%) работали на государственных, 20% – на при-

ватизированных и акционированных, 10% – на частных коммерческих предприятиях, 3% занимались предпринимательской деятельностью. Правда, в отличие от ситуации, существовавшей при советской системе, большинство этих специалистов и служащих так или иначе втянуто в рыночные отношения, и часто их основные доходы формируются не за счет заработной платы на основном месте работы, а других источников. Не менее важно и то обстоятельство, что новые группы российского среднего класса (мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, фермеры, специалисты и служащие, работающие на частных и акционерных предприятиях, в коммерческих организациях и т.п.) также складывались прежде всего из представителей прежнего советского «среднего класса» и частично сохранили характерную для него психологию и черты поведения.

Трудности и противоречия формирования среднего класса в современной России очевидны, и связаны они в первую очередь с переходным характером существующей социальной и политической системы. Можно выделить по крайней мере три периода, оказавшие заметное влияние на развитие среднего класса.

Отличительными чертами первого периода – 1991–1994 гг. – были резкое ухудшение материального положения отрядов прежнего «среднего класса» – служащих и специалистов государственных предприятий, в сочетании с появлением и первоначальным бурным ростом новых социальных групп, которые имели прямое отношение к российскому среднему классу и представители которых часто отождествляли себя с ним. Среди этих групп были работники совместных предприятий, «челноки», служащие коммерческих предприятий и банков, фермеры, частные предприниматели, руководители мелких и средних акционерных предприятий и др. Несмотря на то, что «шоковая терапия» больно ударила по большинству представителей средних слоев, в этот период у многих из них все же сохранялись определенные надежды на изменение своего положения, связанные с открывшимися возможностями социальной мобильности, перспективой роста новых «рыночных» социальных групп.

На протяжении второго периода – с 1995 до августа 1998 гг. – эти группы (за исключением фермеров) в целом упрочили свое социальное и имущественное положение и даже частично влились в ряды «новых русских» с их преобладающей ориентацией на непроизводительное потребление капитала и материальных благ. Не случайно именно в этот период зафиксирована наибольшая доля идентифицировавших себя со средним классом. Так, согласно данным репрезентативного всероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в феврале-марте 1995 г., 25% опрошенных россиян полностью относили себя к среднему классу и еще 18% «скорее относили» себя к нему. Однако этот кратковременный период «процветания» не был обеспечен ни подъемом производства, ни формированием нормальной конкурентной рыночной среды, ни ростом жизненного уровня большинства населения,

включая и все еще значительную, по своей численности превосходящую новые группы среднего класса категорию служащих и специалистов, работающих на государственных предприятиях. Благополучие «нового» российского среднего класса базировалось на слишком непрочном фундаменте, и кризис августа 1998 г. выявил это в полной мере.

После событий августа 1998 г. начался третий период в сложном, зигзагообразном развитии среднего класса в посткоммунистической России. Несмотря на то, что сразу после августовского кризиса много говорилось о его уничтожении и полном разорении, несмотря на панические настроения, которые охватили часть представителей его новых и по российским меркам высокооплачиваемых групп, средний класс в России отнюдь не исчез. В действительности крах в банковской сфере, наиболее болезненно ударивший по сравнительно небольшой группе так называемого высшего среднего класса, сконцентрировавшейся преимущественно в Москве и крупнейших мегаполисах и ориентировавшейся на сферу финансового обслуживания государства и внешней торговли, способствовал перегруппировке средних слоев. Вместе с тем кризис открыл новые возможности, хотя все еще весьма ограниченные, для роста отечественного производства и внутреннего рынка, а значит и для формирования более или менее полноценного среднего класса. В частности, менее зависимый от финансовых потоков и менее пострадавший от кризиса средний класс российской провинции сумел приспособиться к новым условиям и даже кое-где способствовал оживлению производства. Согласно данным всероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» уже после августовского кризиса, доля относивших себя к среднему классу, хотя и уменьшилась по сравнению с докризисной ситуацией, когда она составляла около 25%, но не столь значительно, как можно было ожидать: 22–23 августа 1998 г. эта доля составляла 19% от числа жителей России, в сентябре 1998 г. – 16%, в октябре 1998 г. – 20%, в ноябре 1998 г. – 22% и, наконец, в июле 1999 г. – также 22%⁵. Кстати, согласно данным того же опроса, проведенного в июле 1999 г., почти столько же (24%) российских граждан относили себя к слою со средним уровнем достатка.

Примечательно, что эти цифры, несмотря на то, что они основаны на субъективных оценках самих респондентов, в целом близки к данным, приведенным в докладе Российского независимого института социальных и национальных проблем. Согласно оценкам экспертов этого института, учитывавших совокупность целого ряда объективных и субъективных показателей, до начала кризиса августа 1998 г. к среднему классу можно было отнести до 25%, а после кризиса – до 16–18% россиян⁶. В докладе отмечается также, что отечественный средний класс обладает целым рядом свойств, которые позволяют говорить о его высокой «живучести», сопротивляемости неблагоприятным обстоятельствам, для него характерны такие качества, как высокий, по сравнению с другими слоями общества, уровень

⁵ См.: Бюллетени Фонда «Общественное мнение», серия «Социологические сообщения» № 399 (от 26.08.1998), 405 (от 23.09.1998), 416 (от 21.10.1998), а также «Сообщения Фонда "Общественное мнение"» (вып. № 56 (511) от 14.07.1999).

⁶ Есть ли в России средний класс? // Аналитический доклад Фонда им. Фридриха Эберта и Российского независимого института социальных и национальных проблем. М., 1999. С. 34.

адаптированности к рыночной экономике, высокая социальная мобильность и гибкость, ориентация на максимальное использование своих ресурсов, готовность сменить место работы и жительства и т.п.⁷

Однако своеобразие российской ситуации состоит в том, что необходимое для образования сильного и самостоятельного среднего класса «разгосударствление» экономической и социальной жизни сопровождается такими кризисами и потрясениями, которые подрывают саму возможность его развития. Эти кризисы, ведущие к усилению имущественной дифференциации и политической поляризации в обществе, делают положение старых и новых групп среднего класса неустойчивым, обрекая их на роль заложников проводимой государством политики. Бюрократия, по-прежнему предпочитающая все контролировать и всем распоряжаться, не заинтересована в усилении экономически независимого среднего класса, способного ограничить ее власть⁸. Кроме того, внутри самого среднего класса сохраняются значительные противоречия между старыми и новыми группами, связанные как с их различным материальным положением, так и с неординарным отношением к происходящим в обществе изменениям. Отсюда и невероятные сложности на пути превращения весьма неоднородного конгломерата различных по своей роли и положению социальных групп в более или менее единую общность с осознанными и общеизвестными интересами. Тем не менее «процесс пошел», и прервать его может лишь радикальное изменение экономической и политической системы.

Ярко выраженная неоднородность и аморфность российского среднего класса безусловно оказывают влияние на его социально-политические ориентации и предпочтения. Впрочем, рассматривать последние не вполне корректно, лучше говорить о некоторой специфике среднего класса по сравнению с населением в целом. Так, можно отметить более высокую политическую (участие в деятельности различных партий и движений) и электоральную (президентские и парламентские выборы, референдумы) активность его представителей, хотя показатели этой активности все же значительно ниже соответствующих показателей среднего класса в развитых странах Запада⁹. В рядах представителей среднего класса в меньшей степени распространены ориентации и ценности, связанные с государственным патернализмом, представления о государстве как единственной силе, от которой зависят жизнь и благополучие граждан, и в большей – приверженность политическим и экономическим правам и свободам. Однако из этого никак не следует, что подавляющее большинство среднего класса политически активно, относится к государству как к партнеру и гаранту общественного порядка, прав и свобод граждан и выступает за твердое соблюдение этих прав и свобод в их либерально-демократической трактовке. Как уже отмечалось, различные группы российского среднего класса придерживаются разных ориентаций, что, естественно, сказывается на их политическом поведении.

⁷ Там же. С. 34–35.

⁸ Кульпин Э.С. Россия: экономика и мировоззрение // Билль о правах человека и природы. М., 1997. С. 29–36.

Социально-политические ориентации среднего класса

⁹ Есть ли в России... С. 18–20.

Сопоставим, например, политические ориентации трех групп среднего класса, выделенных на основании упомянутого всероссийского опроса работающих россиян с высшим и средним специальным образованием, проведенного Фондом «Общественное мнение» в ноябре 1995 г. (опрошено 8869 человек; автор проекта И.М.Клямкин). В первую группу включены те, кто относил себя к среднему классу только до 1992 г. («бывший средний класс»). Вторую группу составили те, кто и до, и после 1992 г. считали себя представителями среднего класса («бывший и нынешний средний класс»). Наконец, в третью группу вошли те, кто до 1992 г. не идентифицировали себя со средним классом, а после 1992 г. стали относить себя к нему («новый средний класс»). Такая градация, учитывающая некоторые важные объективные (уровень образования) и субъективные (идентификация себя со средним классом) показатели, в отличие от более распространенного разделения среднего класса на группы, различающиеся по профессиональным, имущественным и другим признакам, позволяет, на наш взгляд, получить определенное представление о социально-политических ориентациях и предпочтениях российского среднего класса, рассматриваемого не в статике, а в динамике.

Ниже приведены данные, иллюстрирующие некоторые жизненные ориентации этих трех групп (табл. 1-4).

Таблица 1 Отношение к проводимым в России реформам (%)

	Реформы следовало проводить		Реформы вообще не надо было проводить
	так, как они проводятся, но более быстро и решительно	по-другому, не допуская падения жизненного уровня населения	
«Бывший средний класс»	6	79	8
«Бывший и нынешний средний класс»	13	73	5
«Новый средний класс»	23	64	6

Таблица 2 Прогноз изменения материального положения собственной семьи в течение ближайших трех лет (%)

	Станет лучше	Станет хуже	Практически не изменится	Затруднились ответить
«Бывший средний класс»	12	27	32	30
«Бывший и нынешний средний класс»	19	13	35	32
«Новый средний класс»	26	10	35	29

Таблица 3 Благодаря чему могло бы улучшиться материальное положение семьи респондента в течение ближайших трех лет (%)

	Материальное положение моей семьи может улучшиться прежде всего благодаря		Не считаю, что мое материальное положение может улучшиться
	моим собственным усилиям	переменам, происходящим в обществе	
«Бывший средний класс»	23	21	38
«Бывший и нынешний средний класс»	30	19	29
«Новый средний класс»	43	18	20

Таблица 4 Ценностные ориентации различных групп российского среднего класса (%)*

* Респондент мог выбрать любое число подсказок.

	Ценности, на которые должна ориентироваться Россия		
	западные	традиционно русские	советские
«Бывший средний класс»	14	65	24
«Бывший и нынешний средний класс»	23	63	20
«Новый средний класс»	30	59	15

Данные, приведенные в таблицах, можно дополнить качественной информацией. Благодаря тому же опросу мы имели возможность выявить слова (из списка, включавшего 20 позиций, различным образом выражающих эмоциональное состояние человека), которые чаще всего встречаются в ответах представителей трех соответствующих групп российского среднего класса. Для «бывшего среднего класса» это в первую очередь «неопределенность» и «неуверенность» и в несколько меньшей степени «озабоченность» и «усталость», для «бывшего и нынешнего среднего класса» это «надежда» и «оптимизм», но и «неопределенность» и в несколько меньшей степени «озабоченность», наконец, для «нового среднего класса» это прежде всего «надежда» и «оптимизм» и в несколько меньшей степени «неопределенность», но в той же мере и «целеустремленность».

Исходя из совокупности приведенных данных, можно сделать ряд выводов. Очевидно, во-первых, что жизненные ориентации «бывшего», советского, и нынешнего, постсоветского (сохранившего свои

позиции с советских времен и вновь образовавшегося), среднего класса существенно различаются. Но не в меньшей степени различаются и жизненные ориентации среднего класса, сохранившего свои позиции с советских времен, и среднего класса, образовавшегося уже после распада СССР. В этом смысле те слои нынешнего среднего класса России, которые смогли «перестроиться», успешно конвертировать собственный «социальный капитал», приобретенный в советское время, в рыночную среду («бывший и нынешний средний класс»), являются сегодня по установкам и жизненным позициям своего рода «медиатором», связующим звеном, скрепляющим отечественный средний класс как таковой. Более того, эти слои образуют как бы «связующую нить» между советским и нынешним средним классом, между прошлым и настоящим, обеспечивая тем самым очень важную для России преемственность и стабильность.

Очевидно, что именно в группе «нового среднего класса» в наибольшей степени представлены установки на успех и расчет на собственные силы, а не надежды на государственный патернализм. Именно здесь наиболее сильны откровенно прозападные ценностные ориентации и доверие к сфере частного предпринимательства как основе собственного благополучия. Именно этому слою в наибольшей степени присущи оптимизм и целеустремленность. Напротив, «бывший средний класс» отличают неуверенность и усталость, неверие в собственные возможности изменить что-либо к лучшему и потому повышенное стремление к ценностям и установкам вчерашнего дня. Впрочем, следует обратить внимание на тот факт, что различия установок представителей трех фигурирующих в таблицах групп не столь уж велики, а по ряду позиций формируют основу для возможного консенсуса (например, во всех группах доминирует ориентация на традиционно русские ценности). Сказанное свидетельствует как о сохраняющейся глубокой неоднородности среднего класса, так и о том, что его неизбежная дальнейшая дифференциация не примет форму нового раскола и будет компенсироваться одновременной ценностно-нормативной и социально-политической консолидацией. Как уже отмечалось, экономическая ситуация, сложившаяся в результате кризиса 17 августа 1998 г. и последующей стабилизации, благоприятствует усилению региональной составляющей среднего класса, росту его влияния.

Что касается политической составляющей процесса консолидации, то свидетельство прогресса в этом направлении – рост влияния различного рода центристских сил. Сегодня, в отличие, скажем, от ситуации 1995–1996 гг., когда попытки искусственного формирования двух «центристских» блоков («Блока И.Рыбкина» и «Блока В.Черномырдина») потерпели фиаско, и в итоге обе кампании (выборы в Думу 1995 г. и выборы президента 1996 г.) прошли в рамках двухполюсной модели, при резком размежевании на «правых» и «левых», запрос общества на умеренно-прагматическую стратегию центризма не толь-

ко смог проявить себя, но и начал обретать более или менее устойчивое политическое оформление. В последнее время в российской политике причислять себя к «центристам» стало не только «хорошим тоном», но и своего рода необходимостью для самого широкого круга политических течений (достаточно сказать, что к центристским силам относят себя одновременно и «Аграрная партия», и «Правое дело»). Политические лозунги центризма – «стабильность», «безопасность», «законность», «мир», «права человека» – все в большей степени становятся императивом успеха на выборах.

Безусловно, политический центризм – явление широкое и по своему содержанию, и по своей социальной базе, но консолидирующую его основу составляет именно средний класс. Не случайно в июле 1999 г. в электорате лидера наиболее «центристского» блока «Отечество» Ю.Лужкова 35% относили себя к среднему классу (в электоратах других ведущих политиков эта цифра колебалась от 26% у С.Степашина до 17% у Г.Зюганова)¹⁰. Новый электоральный цикл 1999–2000 гг. может в этом отношении стать важным рубежом политической консолидации российского среднего класса: либо он окажется в состоянии сделать свой выбор, руководствуясь собственными жизненными интересами, и при этом убедить значительную часть общества последовать его примеру, либо снова будет воспроизведен характерный для российской истории сценарий поляризации и глубокого социально-политического раскола, чреватого социальными потрясениями.

* * *

Каковы же перспективы развития среднего класса в посткоммунистической России? Учитывая вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Несмотря на все сложности, процесс его формирования как социальной общности идет достаточно быстро. Средний класс в современной России отличается значительной живучестью, способностью адаптироваться к меняющимся условиям, мобильностью. Это не значит, что рассматриваемый процесс в очередной раз не могут прервать «великие потрясения». Критическая точка, после которой процесс становится необратимым, еще не достигнута. Об этом говорит и небольшая (по сравнению с развитыми странами) доля среднего класса во всем населении, и его резко выраженная неоднородность, наличие в нем множества групп, существенно различающихся по социальному положению, уровню доходов, психологии. Тем не менее можно констатировать, что еще никогда в истории России (включая и ситуацию перед 1917 г.) средний класс не был так близок к своему оформлению в качестве массового социального слоя, играющего важную роль в экономическом и политическом развитии общества, как в настоящее время.

Сложнее обстоит дело с формированием среднего класса как политического субъекта. В этом отношении он почти не оформлен

¹⁰ Сообщения Фонда «Общественное мнение». 14.07.1999. Вып. № 56 (511).

или оформлен очень слабо. В частности, он не имеет своих политических партий или движений, которые в явном виде формулировали, представляли и защищали бы его интересы, включая и само существование как особой социальной общности. Претензии на роль политического представителя интересов среднего класса заявляли и «Яблоко» Явлинского, и «Отечество» Лужкова: по состоянию на осень 1999 г. именно среди сторонников данных движений и политических лидеров было больше всего людей, относящих себя к среднему классу. Однако эти объединения, как, впрочем, и многие другие политические движения современной России, до сих пор являются организациями, созданными прежде всего под определенного лидера, а не с целью представительства интересов тех или иных социальных групп. Отсюда значительная неопределенность как дальнейшей эволюции этих движений, так и политического представительства среднего класса.

Тем не менее и в политическом плане у российского среднего класса есть определенные перспективы, связанные со становлением и развитием централизма, к которому в условиях «нормального развития» тяготеет, как правило, большая часть его представителей.